

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Новейшая революция и факторы дестабилизации российского образования в 90-х годах прошлого века

Олег Смолин,
заместитель
председателя
Комитета
Государственной
Думы по
образованию
и науке, доктор
философских наук

Российский социально-политический процесс породил по меньшей мере пять факторов внутреннего и внешнего (по отношению к политике в области образования, но отнюдь не образовательной политике в целом) характера, вызывавших дестабилизацию и угрожавших деструкцией российской системе образования.

1. Перманентным фактором дестабилизации российской системы образования, угрожающим самому её существованию, а следовательно, модернизации и национальной безопасности страны, с начала 1990-х гг. стал *финансово-экономический кризис и хроническое недофинансирование образовательных учреждений*. Именно высокая инерционность образования, обеспечившая относительную устойчивость этого социального института в кризисной ситуации, в случае, если уровень финансирования в реальном исчислении превысит предел устойчивости системы, превратится в фактор, многократно усложняющий её восстановление.

2. В социальном плане главным фактором дестабилизации системы образования стал *скачкообразный рост социального неравенства* и, как следствие, высокий уровень неравенства прав граждан в образовательной сфере.

В современной России неравенство прав граждан в области образования проявляется в следующих факторах:

— крайне неравномерное распределение финансовых и иных материальных ресурсов на фоне обвального сокращения финансирования и деградации материальной базы, вследствие чего параллельно развитию сети элитных и инновационных образовательных учреждений, вариативности программ и компьютеризации, опережая и перекрывая позитивные тенденции, увеличивалось число образовательных учреждений, где отсутствуют элементарные условия обучения, и детей, которые не в состоянии получить образование по причине недостаточного питания и (или) отсутствия одежды;

— высокие и, как правило, недостоверные показатели численности детей в возрасте от 7 до 18 лет, не обучающихся в образовательных учреждениях, особенно в первой половине 1990 годов. Руководители Министерства образования, выступая в палатах Парламента, в разное время оценивали эту численность от 200 тыс. (министр В.Г. Кинелёв) до 3,5–3,7 млн (заместитель министра образования М.Н. Лазутова), представители Генеральной прокуратуры — около 2 млн, а газеты сообщали о 4 млн беспризорников. По официальным данным Министерства образования, после окончания 9-го класса в той или иной форме продолжали образование в 1996 г. — 97%, в 1997 г. — 97,2%, в 1998 г. — 97,5%, в 1999 г. — 97,7%, в 2000 г. — 97,9%, что никак не согласуется с предыдущими оценками;

— стремительный рост числа студентов, обучающихся на платной основе в учреждениях высшего профессионального образования (1992/93 учебный год — 2%, 1996/97-й — 12%, 1999/2000 учебный год — 34%). При этом условия поступления в средние и высшие профессиональные учебные заведения для детей, родители которых имеют высокие и низкие доходы, оказываются совершенно различными.

Высокий уровень неравенства возможностей в области образования таит в себе опасность двоякого рода. С одной стороны, это снижение интеллектуального потенциала нации, ибо до сих пор никем не доказано, что уровень интеллектуальных возможностей детей прямо пропорционален уровню доходов их родителей, а информационная революция требует всё большего числа высококвалифицированных специалистов и наращивания человеческого потенциала. С другой стороны, неравенство возможностей в образовании ведёт к формированию закрытого типа политической элиты, что, как известно политологам, повышает уровень конфликтности и вероятность социальных взрывов.

Нарастание неравенства возможностей граждан идёт вразрез с концептуальными позициями Закона РФ «Об образовании», согласно которым государство гарантирует гражданам равенство прав в этой области независимо от расы, национальности, языка, пола, возраста, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения, социального происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, партийной принадлежности, наличия судимости (пункт 1 статьи 5), а развитие платных образовательных услуг возможно лишь как дополнение к услугам бесплатным, но не может и не должно их заменять. Попытки же законодателя блокировать перенос социального неравенства в сферу образования не дают желаемых результатов по причинам, лежащим вне системы образования. Известно, что по уровню социального неравенства Россия далеко превзошла не только Западную Европу и Японию, но и США. Совершенно очевидно, что решение этой проблемы невозможно в рамках политики в области образования и требует выхода в более широкую область образовательной политики в целом.

3. Помимо перманентно действовавших экономических и социальных факторов дестабилизирующего характера, российскому образованию на протяжении 1990-х годов периодически угрожали *факторы политического характера*, а именно: радикальные попытки сломать образовательную систему, сложившуюся в советский период, и столь же радикально переделать её по образу и подобию индустриально развитых стран, как правило, искажённому.

Согласно поверхностному взгляду, стремление России войти в число современных высокоиндустриальных стран означает переделку в кратчайшие сроки всех отечественных социальных институтов по их образу и подобию. Более глубокий анализ приводит к иным выводам: с точки зрения интересов мо-

дернизации и национальной безопасности страны сохранить качество образования принципиально важнее, нежели реформировать систему.

В истории образовательной политики 1990-х годов наибольшую известность приобрели две правительственные стратегии: массовая приватизация образования и введение образовательных ваучеров. Анализ обеих показывает: во-первых, фактически речь шла не о реформе образования, но скорее о революции структурно-организационного и в известной мере социального характера и, во-вторых, за образец принимались не апробированные и доказавшие свою эффективность, а не оправдавшие себя либо только разрабатываемые модели образовательных инноваций в развитых индустриальных странах, причём нередко искажённые отечественным революционным радикализмом.

Хорошо известно, что ни одна индустриально развитая страна кампании по массовой приватизации образовательных учреждений никогда не проводила. Напротив, общецивилизационная тенденция заключалась либо в том, чтобы сохранить и укрепить государственную систему образования (Германия), либо в том, чтобы приблизить негосударственные образовательные учреждения по характеру финансирования к государственным (Бельгия), либо, наконец, в том, чтобы развивать некоммерческие фонды и другие источники финансирования, делающие образование доступным для более широких слоёв населения (США). Если эксперты Мирового Банка на международных конференциях и семинарах и употребляли термин «приватизация» по отношению к образованию, то это никогда не понималось буквально (как передача образовательных учреждений из государственной собственности в частную), но лишь в смысле развития многоканального финансирования и использования некоторых рыночных механизмов в управлении образовательными организациями, причём почти всегда — в отно-

шении высших учебных заведений или учреждений дополнительного профессионального образования.

Что касается стран с переходной экономикой, то во многих из них введено платное высшее образование, однако, насколько известно автору, ни в одной государственные учебные заведения не приватизировались. Например, в Чехии подобные меры всерьёз даже не рассматривались, хотя это одна из немногих бывших социалистических стран, где «шоковая терапия» после глубокого спада обеспечила некоторый рост и где довольно долго существовало «образцовое» нелиберальное правительство.

Для любого неидеологизированного специалиста последствия приватизации в сфере образования очевидны, а именно:

- резкое сокращение бюджетного финансирования образовательных учреждений в связи с их превращением в негосударственные и, соответственно, уменьшение государственных обязательств перед ними в юридическом и социально-психологическом плане;

- рост доли платных для гражданина образовательных услуг за счёт бесплатных;

- превращение образования в привилегию для избранных;

- превращение образовательной деятельности во второстепенную, вытеснение её коммерческой деятельностью, распродажа имущества, новый передел собственности под видом её раздела, который и составляет «тайну» российской приватизации вообще;

- полное разрушение системы образования в короткие сроки.

4. Главным юридическим фактором, способным вызвать дестабилизацию системы образования, а значит — угрожающим модернизации страны, является, как это ни парадоксально, действующая *Конституция России* и, в частности, *статья 43*, регулирующая права граждан в области образования.

Критика этой статьи в научной литературе и публицистике обычно сводит-

ся к следующему: не устанавливая государственных гарантий прав граждан, Конституция, по существу, предполагает ввести платное для граждан среднее общее и начальное профессиональное образование. Введение платного профессионально-технического образования на фоне сохранения права граждан на бесплатное (на конкурсной основе) высшее образование должно оцениваться либо как свидетельство крайнего непрофессионализма, либо как преднамеренное «поражение в правах» на образование представителей низшего класса вообще и наименее обеспеченных слоёв населения — в частности, ибо, как известно, в системе начального профессионального образования и в советский, и в постсоветский периоды обучались и обучаются именно дети из таких семей.

Негативная реакция образовательной общественности заметна и, на взгляд автора, преждевременно ослабла после издания Президентом РФ Указа № 1487 от 8 июля 1994 г. «О гарантиях прав граждан Российской Федерации на получение образования».

Во-первых, Указ гарантировал гражданам бесплатность среднего общего и начального профессионального образования, но отнюдь не его общедоступность. Следовательно, проблема обучения подростков, получивших основное общее образование, после издания Указа оставалась открытой с той лишь разницей, что дети малообеспеченных родителей могли бы лишиться полноценного образования не непосредственно (вследствие низких доходов и неспособности платить за обучение), но опосредованно — через конкурс в старшие классы школы и учебные заведения системы профтехобразования.

Во-вторых, поскольку положение о бесплатности на конкурсной основе среднего (полного) общего и начального профессионального образования уже содержалось в статьях 5 и 16 первой редакции Закона РФ «Об образовании», который продолжал действовать после принятия Конституции 1993 г., названный выше Указ Президента лишь осложнил ситуацию на образовательном правовом поле, создав нежелательный прецедент исполнения законов только в случае их подтверждения указами Президента.

Лишь преодоление Парламентом президентского вето на Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон «Об образовании» создало законодательные гарантии реализации прав граждан на общедоступное среднее (полное) общее и начальное профессиональное образование. Причём Совету Федерации первого созыва, в котором в то время работал автор, пришлось преодолевать вето дважды, поскольку Президент повторно возвращал закон в верхнюю палату, ссылаясь на нарушение ею собственного регламента.

5. Одним из важнейших факторов дестабилизации российского образования, а следовательно, реальной угрозой модернизации и национальной безопасности России выступали *попытки радикально трансформировать отечественную*

ментальность под лозунгом деидеологизации при фактической реидеологизации (точнее, переидеологизации). Каждая революция (а иногда и период реформ) стремится создать «нового человека» по образу и подобию социального идеала, олицетворяющего выдвинутую ею социально-политическую утопию («светлое будущее»). При этом тип человека и культура прошлой эпохи подвергаются энергичному осуждению, вплоть до полного отрицания.

Новейшая российская революция и в этом отношении не стала исключением, но, напротив, далеко вышла за пределы объективно стоявших перед нею задач. «Новый человек» прежней эпохи был подвергнут беспощадной критике как «гомо советикус» или, на публицистически-бытовом уровне, «совок». При этом официальная наука и публицистика игнорировали по меньшей мере два обстоятельства. Во-первых, «гомо советикус» в цивилизационном отношении был ещё во многом человеком традиционного общества, для которого характерны не только ограниченность жизненного опыта и мировосприятия, рождающая иронию у представителей более модернизированных социальных систем, но также нравственная цельность и сила, во многом утраченные людьми в высокоиндустриальных цивилизациях. Во-вторых, критика в адрес «гомо советикус» не делала самих критиков свободными от негатива прошлого. Не случайно изобретатель термина «гомо советикус» А.А. Зиновьев публично заявил, что худшим порождением этого типа стали представители новейшей российской политической элиты.

В первой половине 1990-х гг. революционное отрицание в России проявлялось как в формационном, так и в более глубоком, цивилизационном плане, а именно: была предпринята попытка разорвать с духовно-нравственными традициями не только советской, но и досоветской российской культуры. В отличие от западной протестантской этики труда, индивидуализма и прагматизма, для этой культуры была характерна установка на нестяжательскую самореализацию и служение людям, в более современных терминах — на постматериальные ценности. В начале 1990-х гг. эта ориентация была отвергнута как помеха внедрению рынка. Содействовать введению рыночных отношений в сколько-нибудь цивилизованной форме могла бы, например, упомянутая выше протестантская этика с её культом честного стяжательства. Однако «радикальные реформаторы» апеллировали не к ней, но к самым примитивным лозунгам типа «Деньги — единственная подлинная ценность». Ведущие политики и публицисты призывали с пониманием относиться к криминальному характеру стремительно создававшегося отечественного капитала, доказывая, что иного пути нет, а через 2–3 поколения капитал станет цивилизованным. Подобная пропаганда в существенной мере обусловила тот факт, что новейшая российская революция (на фоне почти всеобщих призывов к «покаянию» и «катарсису») по отношению к праву и общечеловеческой морали оказалась криминальной.

В революционный период (первая половина 1990-х гг.) профильные министерства не пытались или полагали несовместимым с «курсом реформ» обеспечивать в преподавании гуманитарных наук провозглашённые принципы объективности и плюрализма. Напротив, в соответствии с феноменом «маятника» место одной догматизированной идеологии в преподавании социальных наук заняла другая, не менее догматизированная. Так, авторы учебников по истории, вышедших в этот период, в большинстве своём не только не поднялись до «понимающей социологии» М. Вебера, которая предполагает оценку любой эпохи в её собственном социокультурном контексте, а, напротив, по сути, руководствовались методологией «Краткого курса истории ВКП(б)», но с противоположной идеологической направленностью. Результаты сравнительных социологических исследований продемонстрировали, что в революционный период российская молодёжь по уровню уважения к собственной стране, её истории и культуре уверенно занимала чрезвычайно низкие места среди своих сверстников из более или менее развитых государств.

«Переоценка ценностей» произошла и в преподавании литературы. Однако поскольку российская литературная классика всех направлений характеризовалась нестяжательской, неутилитарной направленностью, идеологическая переориентация в данном случае в большей мере была связана с псевдомодернизацией содержания: место классических произведений всё более занимала современная литература самого различного художественного уровня. Параллельно этому идеологи «радикальных реформ» в сфере духовной культуры призывали преподавателей отечественной литературы в учебных заведениях всех уровней исключить из неё наиболее сильную сторону — идейно-нравственное содержание, акцентируя внимание исключительно на изучении художественных особенностей и формировании эстетического вкуса обучающихся.

Поскольку трансляция архетипов культуры того или иного народа, формирование своего рода «культурных кодов» наиболее интенсивно происходит в раннем возрасте посредством восприятия фольклора и базирующихся на тех же архетипах классических произведений отечественной литературы, в данном случае проявилось одно из фундаментальных противоречий новейшей российской революции, а именно: ярко выраженная тенденция к разрыву с отечественной культурной традицией под лозунгом её возрождения! Обычно эта культурная традиция именуется православной, что соответствует истине, если иметь в виду главное отличие жизненной неутилитарной православной ориентации от утилитарной протестантской, а также тот факт, что практически всё население Российской империи и СССР, включая представителей иных конфессий и атеистов, в той или иной степени испытало воздействие православной культуры. Но это не соответствует истине в специфически конфессиональном смысле, ибо одно из фундаментальных противоречий советского периода состояло в том, что, за исключением отдельных исторических ситуаций, существовавший политический режим стремился порвать с православной формой отечественной культурной традиции, однако в основном сохранял её содержание, а иногда вступал с православием в прямой союз.

Попытка радикально трансформировать отечественную ментальность — вовсе не условие ускоренной модернизации России, а прямая угроза этой модернизации, причём по ряду причин:

— попытка заменить традиционную российско-советскую ментальность не современными, цивилизованными, но самыми примитивными формами рыночной идеологии, стоящими ниже протестантской этики, не способна привести страну не только к информационному обществу, но и к современному рыночному хозяйству;

— опыт Японии и новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии убедительно показывает, что общинная психология при определённых условиях не только не противоречит модернизации, но, напротив, может стать её мощным стимулом;

— в сознание мирового сообщества всё более и более входит представление о том, что модель «потребительского общества», даже в его наиболее современном социально-рыночном варианте, себя исчерпала, и попытка экстраполировать эту модель на всё человечество неминуемо привела бы к глобальной экологической катастрофе.

Тенденции и противоречия федеральной образовательной политики 90-х годов

Наряду с факторами, дестабилизировавшими российскую систему образования и способными вызвать её деструкцию, анализируем специфические противоречивые тенденции образовательной политики, которые автор обозначает для краткости как её парадоксы.

В российском общественном мнении о том, что отечественная социальная реальность — реальность особого рода, изобилующая парадоксами, — едва ли не общее место. Об этом писали теоретики самых разных научных школ и политических взглядов: от Чаадаева и Герцена до Бердяева и идеологов большевизма. Вследствие же революционного характера социально-политического процесса 1990-х годов парадоксальность отечественного развития была возведена почти в квадрат и затрагивала практически все сферы жизни. В число таких сфер попала и образовательная политика. Вот лишь некоторые современные её парадоксы.

Парадокс № 1. Коллективный квазиэдипов комплекс в управленческих структурах

Трудно найти другой период в отечественной истории, когда бы в составе правящей политической субэлиты было так много людей с учёными степенями и академическими званиями, как в первой половине 1990-х гг., и вместе с тем когда бы в мирное время наука и образование оказывались в столь критической финансово-экономической ситуации. Странник фрейдизма мог бы написать научный трактат о том, как и почему представители научного и образовательного сообщества, попадая из академических сфер во властные структуры, будто обуреваемые комплексом Эдипа, способствуют уничтожению тех, кому они обязаны своим рождением в качестве учёных. Автору, однако, представляется, что фрейдизм, вообще малопродуктивный при объяснении макросоциальных процессов, абсолютно не имеет отношения к этому феномену, который легко объясняется, исходя из представления о революционном характере российского политического процесса со всеми его атрибутами.

Парадокс № 2. Попытка войти в цивилизацию по попятной траектории

Новейшие отечественные политические лидеры радикального направления на протяжении 1990-х годов постоянно прокламировали намерения «войти в цивилизацию» или догнать её, но в отношении образования и науки стимулировали движение в прямо противоположную сторону. Во всяком случае, противощивилизационные тенденции в политике государства в отношении образования и науки явно преобладали над процивилизационными. Среди прочего это относится и к таким ключевым направлениям образовательной политики государства, как отношения собственности и финансирование.

Весь мировой опыт XX века, и в особенности второй его половины, свидетельствует: при сколько-нибудь работающем экономическом механизме именно инвестиции в образование в долгосрочной перспективе оказывались наиболее эффективными и определяли успех модернизации общества. Практически все страны, сумевшие добиться на определённых временных интервалах экстраординарных темпов экономического развития (так называемого «экономического чуда»), за несколько лет до этого осуществляли серьёзные финансовые вливания в сферу образования, во многом «чудо» и порождавшие. В свою очередь в индустриально развитых странах экономический подъём и относительно высокий уровень жизни большинства населения становились базой стабильности и демократии западного типа. Такая закономерность прослеживается в послевоенной истории Германии, Японии, Южной Кореи, отчасти — Италии.

В отечественной истории аналогичная закономерность, с учётом качественных различий между общественными системами, также проявлялась в 1930–1960-е годы. Затем тенденция изменилась, а в 1990-х годах стала прямо противоположной. Так, по оценкам Всемирного Банка, доля расходов на образование в ВВП составляла в СССР в 1970 году 7%, в США, Франции и Великобритании в середине 1990-х годов — от 5,3 до 5,5%, а в России в 1992 году — 3,4%. С учётом сокращения ВВП приблизительно вдвое в 1990–1994 годах расходы на образование в реальном исчислении составили в середине 1990-х годов не более четверти к уровню расходов 1970 года. Принимая во внимание рост после 17 августа 1998 года курса доллара почти в 4,5 раза, рост цен — не менее чем в 2,5 раза, при увеличении расходов на образование в федеральном бюджете 1999 и 2000 годов приблизительно на 75%, а заработной платы работников образования (с учётом её повышения с 1 апреля 2000 года в 1,2 раза и изменения коэффициентов ЕТС) — менее чем на 70%, представляется возможным оценить сокращение реальных расходов на образование в России во второй половине 1990-х годов приблизительно ещё в 2 раза.

Аналогичным образом в первой половине 1990-х годов сократился выпуск художественной литературы для детей. В том числе выпуск книг в 1990–1994 годах упал примерно в 3 раза

(с 99,5 млн до 34,9 млн); разовый тираж журналов — примерно в 6 раз (с 21,8 млн до 3,6 млн экземпляров); разовый тираж газет — почти в 20 раз (с 13,3 млн до 717 тыс.). При таких показателях утверждения о «возвращении в русло мировой цивилизации» могут восприниматься в лучшем случае как свидетельства революционной эйфории.

Парадокс № 3. Приумножение ошибок прошлого

Чем более новая, постсоветская власть критиковала ошибки прежней, тем более она их повторяла и умножала.

Так, в 1990-е годы после массовой критики социальной политики советского периода одна из худших тенденций его последних лет — обесценивание высококвалифицированного труда — оказалась не только не преодоленной, но доведённой до логического конца. На протяжении всего десятилетия среди различных профессиональных отрядов работники образования по уровню оплаты труда входили в первую пятёрку снизу наряду с работниками науки, здравоохранения и культуры. Более того, с конца 1998 г. средний уровень оплаты труда «бюджетников» опустился ниже официально установленного и также весьма заниженного прожиточного минимума.

Парадокс № 4. Сочетание юридического фетишизма с юридическим нигилизмом

Корни многочисленных проблем массовое сознание склонно видеть, а представители власти — относить на счёт отсутствия или недостатков законодательной базы; в то же время действующие законы систематически игнорируются. Так, все минимально необходимые для защиты системы образования, работников и обучающихся решения ещё в начале 1990-х годов приняты на уровне как законодательной, так и исполнительной власти (Указ № 1 Президента Б.Н. Ельцина — в июле 1991 г. и Закон РФ «Об образовании» — в июле 1992 г.). Однако

они и не выполняются, и не отменяются. Более того, за прошедшие годы Правительство, по Конституции 1993 г. всецело подчинённое Президенту, не только не приблизилось к исполнению основного положения Указа и Закона в части оплаты труда, согласно которому средние ставки педагогических работников образовательных учреждений должны устанавливаться выше средней заработной платы в промышленности, но, напротив, от такого исполнения удалилось. Если в 1970 г. уровень заработной платы работников в сфере образования составлял около 73% от её уровня в промышленности, то в конце 1999 г. — 49%. Аналогичным образом обстоит дело с большинством норм и нормативов финансового характера, которые содержатся в действующих законах в области образования: постоянно провозглашая приверженность правовому государству, исполнительная власть с тем же постоянством эти нормы игнорирует.

Парадокс № 5. Консерватизм как фактор модернизации

В 1990-х годах российская система образования оказалась в более тяжёлом финансово-экономическом положении, чем многие отрасли экономики и социальные институты, однако уровень её деструкции значительно меньше, а эффективность — значительно выше. Это признано такими международными организациями, как Мировой Банк, специалисты которого отмечают более высокий в среднем уровень знаний обучающихся в области естествознания и математики, чем во многих государствах Организации экономического сотрудничества и развития, а также ЮНЕСКО, под эгидой которой на базе российских вузов выполнялись международные проекты в рамках всемирного десятилетия образования. В этой связи вполне обоснованным представляется следующий тезис: помимо исключительного чувства ответственности работников образования, сформированного полутрадицион-

ной авторитарной советской системой, помимо факторов, связанных с законодательством, именно инерционность, консерватизм этого социального института, обеспечивая сохранение духовного потенциала нации, оставляет России шансы на модернизацию в будущем. Радикальная революционная ломка образовательных институтов, напротив, привела бы к безнадёжному отставанию от наиболее передовых стран.

Действительная модернизация России возможна при условии отказа от концепции «догоняющей конвергенции» и замены её моделью «опережающего развития». Роль интегрального фактора «безопасности образования», а тем самым — фактора национальной безопасности и модернизации страны, способного в известных пределах снять угрозы дестабилизации образовательной системы и смягчить противоречия образовательной политики, должна принадлежать закону. Закон — не панацея революционной эпохи, но в нём фиксируется то хрупкое согласие между общественными группами и ветвями власти, которое в такую эпоху особенно ценно.

Начало XXI века: «пессимизация» расходов

Правительство России много раз объявляло образование одним из финансовых приоритетов. Однако начиная с бюджета 2003 г. этот тезис выглядит более чем сомнительным. Судите сами: финансирование образования в текущем году увеличивается примерно на 22%, в то время как, например, правоохранительных органов — на 46%, при росте прожиточного минимума — на 23%. Тем не менее до недавнего времени признавалось: Концепция модернизации образования, принятая в XXI веке, выгодно отличается от программ реформирования начала и середины 1990-х, по крайней мере, тем, что она не предполагает экономить на образовании, а, напротив, — умеренно увеличивать расходы на его финансирование. Увы, похоже, оптимизм оказался преждевременным.

Откроем протокол заседаний правительственной Комиссии по вопросам оптимизации бюджетных расходов от 26, 27 и 31 марта 2003 г. В отношении социальной сферы эту комиссию следовало бы назвать «комиссией по пессимизации». Вот лишь несколько пунктов протокола.

«Минобразования России совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти подготовить и внести... предложение по внесению изменений в Федеральный Закон «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратория на их приватизацию» в части порядка передачи государственных образовательных учреждений». По действующему закону, который обычно называют Законом о моратории, передача образовательных учреждений с одного бюджета на другой возможна: только по соглашению сторон, например, Правительства и органов исполнительной власти субъекта

РФ; только с учётом мнения трудового коллектива, которое должно быть выражено в письменной форме и доведено до соответствующих органов власти. Теперь предлагается отказаться от этих положений, с тем чтобы произвольно решать судьбу целых трудовых коллективов и спокойно «перебрасывать» учебные заведения с одного бюджета на другой, не особенно задумываясь о последствиях. Естественно, профильный Комитет Госдумы будет сопротивляться внесению таких изменений.

«Минобразования России в двухмесячный срок доработать... перечни подведомственных учреждений, подлежащих передаче субъектам РФ». Если сопоставить этот текст с положениями принятого в первом чтении президентского Закона об организации законодательной и исполнительной власти субъектов РФ, то совершенно очевидно, что большая часть ПТУ, ссузов и ряд вузов, находящихся не в областных или республиканских центрах, будет передана на региональные и местные бюджеты. Очевидно, что это «перегрузит» бюджеты и приведёт к сокращению сети учреждений образования. Многие из тех субъектов РФ, которые прежде приняли в своё ведение профучилища, теперь обращаются с просьбой вернуть их обратно на федеральный бюджет. Более того, статистика показывает, что в регионах, принявших учреждения профессионального образования на собственные бюджеты, они сохраняются хуже, чем в федеральной собственности.

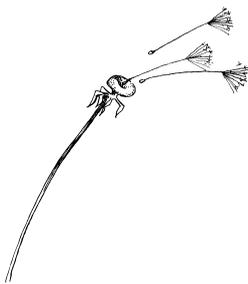
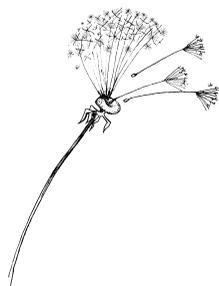
«Минобразования России совместно с федеральными органами исполнительной власти... осуществить подготовительную работу по оптимизации передаваемой сети образовательных учреждений на территориях субъектов РФ». С 1990-х г. слово «оптимизация» у нас в стране означает только «сокращение», «закрытие», «уменьшение». Есть все основания полагать, что речь идёт о следующем: Минобразования совместно с органами субъектов РФ

должно определить, какие из передаваемых образовательных учреждений предполагается закрыть, слить с другими, то есть произвести «реструктуризацию».

«Минэнерго России, Госстрою России в месячный срок дополнительно проработать вопрос о передаче подведомственных им учебных заведений в ведение субъектов РФ». Обычно вузы этих министерств готовят специалистов не только для своего региона, но и для соседних. Понятно, что один регион не будет в полном объёме финансировать такие вузы. В итоге количество строителей и энергетиков с высокой квалификацией в стране сократится. Кто от этого выиграет, сказать трудно, но, во всяком случае, можно ожидать дальнейших перебоев в энергетической и коммунальной сферах.

«Минобразования России в двухмесячный срок внести... предложения о пересмотре предусмотренного Законом РФ «Об образовании» (ст. 40) и Законом «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (ст. 3) количества обучаемого за счёт средств федерального бюджета контингента студентов государственных вузов». Авторы протокола не очень внимательно читали последний из упомянутых законов. Эта норма содержится в статье 2, а не 3. Но главное — в другом. Нам предлагается сократить бесплатные учебные места в вузах страны. Между прочим, уже сейчас больше половины студентов России учатся на платной основе, в то время как, например, в Германии и Франции доля бюджетных студентов приближается к 90%. Даже в тех странах, где вводится платное обучение (например, в Великобритании), для студентов из семей с низкими доходами сделано исключение.

«Минобразования России в целях повышения эффективности (оптимизации) расходованных средств федерального бюджета пересмотреть в сторону уменьшения государственное задание на подготовку специалистов с высшим профессиональным об-

разованием... на 2005 год с учётом объёмов и направлений подготовки специалистов, осуществляемой негосударственными вузами». Иными словами, предлагается уменьшить госзадание на подготовку специалистов в государственных вузах, что даст возможность негосударственным расширить свой контингент. Комитет Госдумы, в принципе поддерживая «многосекторность» российского образования и выступая против «закручивания гаек» в отношении негосударственного сектора, твёрдо придерживается позиции: этот сектор, как и платное образование вообще, должен развиваться не взамен, а в дополнение к государственному.

Большинство российских негосударственных вузов занимается гуманитарным образованием. Комиссия предлагает большую его часть сделать платным — передать негосударственным вузам. Легко прогнозировать отдалённые последствия этих действий: если юристов, экономистов и менеджеров будут готовить преимущественно на платной основе, то детям из семей с низкими и средними доходами путь в эти структуры окажется закрытым. Тем самым Россия получит, как уже было сказано, закрытый тип политической элиты.

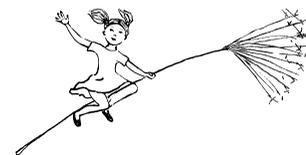
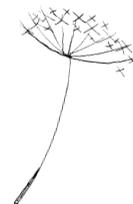
В информационном обществе право на образование человека зависит не только от того, как функционируют образовательные учреждения, но и от того, как работают средства массовой информации. К сожалению, и по этому праву готовится серьёзный удар. «МПТР России в месячный срок представить в Правительство РФ предложения по внесению изменений в Указ Президента «О создании федерального государственного унитарного предприятия «Российская телевизионная и радиовещательная сеть» в части отмены с 1 января 2005 года оплаты услуг по распространению и трансляции общероссийских телеканалов в населённых пунктах с численностью населения менее 200 тыс. человек за счёт средств федерального бюд-

жета». Таким образом, ясно, что федеральный бюджет готов отвечать за крупные города, а в остальном спасение права на информацию «утопающих» будет «делом рук самих утопающих». Как эти вопросы будут решать в дотационных регионах, вряд ли знают даже авторы правилительственного текста.

Подобно образовательной политике, политика в области науки в последние 13 лет более чем парадоксальна.

Хорошо известно, что критическим для национальной безопасности показателем считается 2% бюджетных расходов на науку. По Закону «О науке и государственной научно-технической политике» этих расходов должно быть 4% федерального бюджета. На деле — 1,7%. Но и это ещё не всё. Открою цитировавшийся протокол Правительственной Комиссии по оптимизации бюджетных расходов. Первый пункт предлагает «представить в Правительство РФ предложение о внесении изменений в Федеральные Законы «О науке и государственной научно-технической политике» и «О высшем и послевузовском образовании». Предусмотреть при этом исключение из законодательства положения о доли расходов на науку в общих расходах федерального бюджета». Таким образом, Правительство хочет получить полную свободу рук и отнять у науки последнюю надежду на нормальное финансирование.

Не менее интересен и такой парадокс. Его можно сформулировать словами Р. Рейгана: во властных элитах России «правая рука не знает, что делает крайне правая». Предложение комиссии тем более странно, что на совместном заседании Совета безопасности России, президиума Госсовета и Совета по науке и высоким технологиям при Президенте России в марте прошлого года было принято решение к 2010 г. довести бюджетные расходы на науку до 4%, т.е. хотя бы с опозданием на пятнадцать лет, но исполнить закон. Сейчас это решение предлагается пересмотреть.

Точно так же критиковали советскую систему за идеологический подход к решению практических проблем. Скажем, за стремление национализировать всё и вся. Однако если тогда успехи реформ определялись процентом коллективизации, то теперь — процентом приватизации. Судите сами. Открываем пятый пункт упоминавшегося протокола: *«Целесообразность приватизации или ликвидации государственных научных организаций, осуществляющих научные исследования исключительно по направлениям, не входящим в список приоритетных направлений развития науки, технологий и техники, а также в перечень критических технологий Российской Федерации, утверждённых Президентом РФ»*. Между прочим, этот самый перечень пересматривается постоянно. Что будут делать господа из Правительства, если направление будет признано приоритетным, а научные организации, которые им занимались, уже ликвидированы? Ответить на этот вопрос невозможно.

Ясно, что приватизация в России стала самоцелью и заменила практическую эффективность. Однако то, что предлагается от имени Правительства, превосходит самые смелые действия квази-реформаторов 1990-х годов. Снова процитирую протокол: *«...возможность приватизации государственных унитарных предприятий за исключением предприятий, осуществляющих исследования, преимущественно связанные с обеспечением безопасности страны»*. Надо иметь в виду, что большинство рос-

сийских государственных научных центров — это государственные унитарные предприятия. Поэтому кампания по приватизации ГУПов может привести к катастрофическим последствиям.

Российский парламент, который ругали за засилье «левых», плохо ли, хорошо ли, но сохранял налоговые льготы для образования. Теперь Правительство, считающееся либеральным, вместо того чтобы дать людям возможность зарабатывать, пытается лишить их такой возможности, а потому отменило большую часть налоговых льгот для научных организаций.

Понятно, что количество людей в сфере науки не всегда пропорционально научным результатам и не каждый человек со степенью — учёный. Тем не менее общая тенденция цивилизации — наращивание работ и финансирования в секторе науки. Если посмотреть прогнозы специалистов по информационному обществу, становится ясно: в будущем обществе от 60 до 90% всего населения должны составлять люди с высшим образованием или учёными степенями. В России Правительство стимулирует прямо противоположные тенденции.

Подобная политика, конечно, путь не в информационное общество, а в позапрошлый век. Единственный шанс сохранить российских учёных — создать для них достойные условия работы и жизни в стране. Экономия на науке оборачивается невосполнимыми потерями. После 1997–1998 гг. мы не наблюдали такого наступления на отечественную науку и права граждан в области образования. ■

